

1. U
2. 5
3. 4
4. 5
5. *Васильев Б. в. А зори здесь тихие...*

6. Ереван — Ереванский театр юного зрителя

7. режиссёр: Мариносян М.

5

1985, май

АрССР

Ереван

7 ЮЗ

14 МАИ 1985

Ножеомолоц
г. Ереван

ОТКРЫВАЯ ЗАНОВО

Повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» увидевшая свет в начале семидесятых, — одна из самых любимых и читаемых. Необычайный интерес к ней не только со стороны читателей, но и деятелей кино, театра обусловлен прежде всего яркостью и новизной авторского видения, глубиной жизненной правдой характеров. Повесть инсценировалась неоднократно, экранизировалась и даже легла в основу оперы. Ее ставят охотно, над ней работают самые различные по складу и пристрастиям художники именно потому, что литературный материал сам по себе благодатен в силу как раз его ярко выраженного авторства. Но — интересная закономерность. Результат оказывается достойным, первоисточнику лишь в том случае, когда на авторство писателя накладывается авторство художника, осуществляющего постановку. Пример тому — фильм Станислава Ростоцкого, спектакль Московского театра драмы и комедии на Таганке, которые стали подлинными открытиями для миллионов зрителей. Но в этом мы могли убедиться и на спектакле Ереванского театра юного зрителя, осуществленном главным режиссером театра, заслуженным деятелем искусств А. Мариносяном. И все же существуют некие энциклопедические моменты, которые не позволяют нам назвать этот спектакль «открытием».

Произведение, решающее заявленные писателем тему, идею, сюжет яркими и специфическими выразительными средствами сцены, сценического языка. Собственно в этом и заключается сложность — осуществить перевод литературной, словесной образности в образность театральную так, чтобы не нарушить органику претворения темы в координатах данного искусства.

Думается, в данном случае режиссер нашел верное и убедительное решение этой сложной задачи. Пронзительный и трагический лиризм авторской интонации, пронизывающий всю повесть, в спектакле претворился в глубоко лиричную тональность, на которую «настроено» сценическое действие. Основной тон задан уже в цветовом, светло-зеленом полорит декораций, а также в самом характере художественного образа, положенного как в основу сценографического решения, так и в основу всего спектакля. Образ этот как бы материализуется в тех пяти беззвучных с отсеченными кронами, которые составляют не только пространственный, но и смысловой центр спектакля. Веревки — символ женственности, прасоты, самой жизни и ее продолжения — совершенно лишаются здесь своего энциклопедического значения.

Трагедийный накал времени вырастает из конкретных драм очень симпатичных нам героев.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что в своих истоках основной образ спектакля документален. Вспоминается один из запавших в память документальных кадров — свидетельств войны: пепелище сожженной деревни, сиротливые остовы печей, и рядом — два небольших обуглившихся деревца (возможно это и березки), уже не способные плодоносить.

Подобная, очень субъективная ассоциация, рожденная спектаклем, лишний раз свидетельствует о точности и трагической правдивости авторского ощущения, атмосферы, в которой действуют герои спектакля.

Каждый человеческий образ обладает здесь своими красками, своей фактурой. Это и подрастающая непосредственная Галл Четвертая (артистка З. Манвелин), и бесконечно добрая Лиза Бричнина (артистка А. Тер-Карапетян), и удалая, но в то же время необыкновенно женственная Жени Комельнова (артистка С. Чалоян), и по-матерински строгая и мудрая Рита Осанна (артистка Г. Трдатян), и поэтичная Соня Гурвич (артистка А. Бабелин).

Убедителен в роли стар-

